слава русского первопечатника. В XVIII веке этого мнения придерживались Дмитрий Ростовский[1] и В. К. Тредиаковский,[2] присоединяясь к оценкам, данным труду И. Федорова еще в середине XVII века.[3]

Нельзя признать убедительными и предположения отдельных историков о том, что причины отъезда Ивана Федорова за границу следует искать в области личных взаимоотношений, которые сложились между первопечатниками и определенными кругами московской аристократии.[4] В послесловии львовского Апостола Иван Федоров подчеркивал, что нападкам подвергался не лично он или Петр Мстиславец, а они, как представители «благого», «божьего дела», которое враги хотели «вконец погубити».

Наконец, А. С. Зернова считает, что вообще невозможно установить причины бегства или отъезда Ивана Федорова в Литву.[5]

Такое разнообразие во взглядах заставляет нас еще раз остановиться на обстоятельствах прекращения деятельности первых русских печатных дворов. Трудности изучения этих обстоятельств проистекают от ограниченности источников, имеющихся в распоряжении у исследователя. Ни в летописях, ни в архивных собраниях, ни в каких-либо документах по данному вопросу нет почти никаких конкретных указаний. Помимо хорошо известного места из послесловия львовского Апостола 1574 года и высказывания Флетчера, помимо самих книг, большой интерес для изучения причин гибели первого московского печатного двора имеет известие французского историка Андре Теве (1540—1592).

В 1584 году в Париже было издано его сочинение под названием «Подлинные портреты знаменитых людей» («Vrais pourtraits des hommes illustres»). Одна глава этой книги — «Василий князь Московский» («Basile duc de Moscovie») — была переиздана Августином Голицыным (1824—1875) в составе небольшого сборника на французском языке, в котором А. Голицын издал все, что было написано Теве о Московии.[6] На стр. 165—166 указанной брошюры читаем: «Что касается книгопечатания, то московиты ввели его в употребление только с 1560 г. Оно было открыто одним московским купцом, изготовившим шрифты, при помощи которых увидели свет многие очень красивые книги. Но все же, так как они очень подозрительны и создают трудности там где их нисколько не видно, по примеру греческих сектантов,[7] некоторые из них путем тонкого коварства и подставных лиц нашли возможность сжечь их шрифты из страха, что печатные книги могут принести какие-либо изменения в их убеждения и религию. По этому поводу не было предпринято никаких преследований или розысков князем и его подданными».

Приведенные выше сведения Теве остались совершенно неучтенными в дореволюционное время. В советские годы на Теве ссылается только

---

[1] Дмитрий митр. Ростовский. Розыск о раскольничей брынской вере. М., 1762, лист 9 об.

[2] В. Тредиаковский Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии. СПб, 1748, стр 101.

[3] Трефолой, М., 1638, июнь, июль, август, лист 172 об. — Сказание известно о воображении книг печатного дела. Издал П Строев в книге «Описание старопечатных книг славянских . Ив. Ник. Царского», М., 1836, стр. 439 Первый вариант этого сказания М. Н. Тихомиров относит к 1641—1645 годам: М. Н. Тихомиров, ук. соч , стр. 83.

[4] И. Бас, ук соч., стр. 118.

[5] А С. Зернова, ук соч., стр. 42.

[6] A. Thevet Cosmographie Moscovite. Paris, MDCCCLVIII.

[7] Так А. Теве называет православное духовенство.